

Алые шелковые полотнища, узорные ширмы с вышитыми мандаринками.

Сяо Юй сидел, опустив голову; поверх темного парадного плаща на нем был ярко-красный свадебный наряд. Почувствовав чье-то приближение, он поднял голову, и в его взгляде смешались праздная лень и властность.

Теплый свет свечей заставлял его глаза ярко сиять: наполовину озаренные пламенем, наполовину — холодным сиянием луны.

— Ваше Величество... — Сяо Юй приближался к нему все ближе, но внезапно тот остановился.

— Какое еще Ваше Величество, почему ты до сих пор не сменил обращение и не зовешь меня мужем? — Сяо Юй легко улыбнулся.

— Мужем... — бормотал Ци Цзюнь.

Но, подумав еще раз, сообразил: нет, это он должен зваться женушкой.

— Да-да-да, муж, женушка, вставайте же скорее, солнце уже давно взошло.

Ци Цзюнь растерянно открыл глаза: перед ним все так же висели привычные сосново-зеленые марлевые полотнища, всё так же просто и изысканно выглядела обстановка. Он по-прежнему находился в собственной спальне.

Оказалось, что только что ему всего лишь приснился сон.

— Ну надо же, молодой господин, чьей же барышней вы во сне грезили? С чего это вдруг мужья да женушки? В такое время вам уже давным-давно положено быть на ногах, как это вы сегодня проспали до самого полудня?

Слова принадлежали мальчику-слуге, который рос вместе с Ци Цзюнем и сопровождал его на учебу.

Ци Цзюнь вытащил из объятий слуги свою одежду и, одеваясь на ходу, произнес:

— Что бы ты ни слышал из моих сонных бредней, матери ни слова. А не то она снова примется искать свах и устраивать мне смотрины.

— Понимаю, понимаю. Только скажите, молодой господин, куда это вы так спешите?

— Идти к отцу, чаю испить.

Старый князь Чжэньбэй после осенней простуды три года назад никак не мог вернуть прежнее крепкое здоровье. На днях же, обрадовавшись возвращению Ци Цзюня, он выпил лишнего, и в голове снова шумело, а мысли путались.

— Что такое, судя по твоему виду, тебя что-то тревожит? — Ци Чжэн сделал небольшой глоток чая Билочунь.

— Отец. Допустим, есть некое дело, и ты точно знаешь, что оно правильное, но если его сделать, на головы близких обрушатся бедствия. А есть другое дело, и ты наверняка знаешь, что оно неверное, но от него куда больше выгоды и шансов на успех больше. Так какое из этих двух дел ты бы совершил?

— Помнишь, что я говорил тебе в самый первый день, когда ты пошел в частную школу?

— Вы сказали, что независимо от результата во всем нужно выкладываться до конца, чтобы совесть была чиста.

— Вот видишь. — Ци Чжэн опустил чашку. — Мы с твоей матерью верим, что Цзюнь-эр станет честным полководцем, и ради этого нам двоим умереть не страшно.

— Благодарю отца за наставление.

Лишь выйдя из отцовского кабинета, Ци Цзюнь наконец сбросил с души тягостное бремя.

Чем ближе подбирался первый месяц года, тем пронзительнее становился северный ветер. В резиденции князя все цветы уже завяли, и лишь зимняя слива цвела в полную силу — лепестки её алели, точно румяна, и на фоне слепящего снега казались еще более живыми и стойкими.

Все необходимые для встречи нового года ткани, разноцветная бумага и угощения в резиденции были давно заготовлены, но Ци Цзюню все равно хотелось пройтись по улицам.

Бесцельно следуя за толпой, он вышел к окрестностям Восточной улицы. Здесь располагались Шанцзинский бордель Цуймэнсюань, славившийся на весь город, а также множество музыкальных домов и театральных подмостков.

— Пустите! Я вас знать не знаю! Мой отец — нынешний премьер-министр, а брат — левый полководец!

— Ой, ишь устались! Если глазеть хотите — топайте в Лихуньюань за серебром! Пару дней назад я эту девчонку отходила кнутом, так она сегодня с катушек съехала! Тоже мне, премьер и генерал, на себя бы для начала глянула, чего ты стоишь!

Ци Цзюнь уже хотел обойти это место стороной, как вдруг услышал донесшийся позади крик:

— Генерал Ци! Генерал Ци, спасите меня! Генерал Ци!

Вглядевшись, Ци Цзюнь заметил, что несколько дюжих молодчиков и ярко накрашенная женщина тащат не кого иных, как Ван Илю. Стремительно прорвавшись сквозь толпу, он нанес два мощных удара кулаком прямо в лица двоим парням, вцепившимся в её руки.

— Импера... — он уже собирался крикнуть императрица, но заметил, что Ван Илю смотрит на него полными мольбы глазами, явно не желая раскрывать ее титул. Не оставалось ничего другого, как сменить обращение: — Да как вы смеете девицу из семьи господина Хуана обижать! Эй, забрать этих разбойников, что среди бела дня крадут людей, и доставить в управу!

Следовавшие за ним слуги тут же откликнулись и под крики сопротивления скрутили злоумышленников.

— Генерал Ци, я снова перед вами в долгу, — смущенно произнесла Ван Илю.

Ци Цзюнь окинул взглядом ее простое холщовое платье, совершенно не соответствовавшее ее высокому положению, и без труда догадался, зачем она здесь оказалась.

— Вы — императрица срединного дворца, и впредь не смейте вот так тайком убегать. Из-за этого могут пострадать те, кто вам служит, — сурово произнес он.

— Знаю я... — Ван Илю всё еще не оправилась от сильного испуга, на ее щеках блестели слезы, и вся она, заплаканная, вызывала искреннюю жалость.

— Младший офицер приготовит повозку и проводит вас обратно, — сухо, без лишней сентиментальности бросил Ци Цзюнь.

— Погодите. Генерал Ци, раз уж взялись делать доброе дело до конца, я так хочу посмотреть, как простые люди делают румяна. Пройдитесь со мной еще немного, умоляю, — взмолилась императрица.

Ци Цзюнь сначала хотел отказаться, но в памяти внезапно всплыло лицо покойной старшей сестры. Она тоже попала во дворцовые наложницы в четырнадцать-пятнадцать лет, но в самую лучшую пору своей жизни внезапно скончалась от тяжелой болезни... Услышав это эхо прошлого, он согласился на не слишком разумную просьбу императрицы.

— Спасибо вам, генерал Ци! Пусть тот прекрасный небожитель и выглядит еще красивее, но вы тоже до чего хороши — прямо-таки лихой и отважный молодец! — радостно польстила она.

— Какой еще небожитель? — с любопытством спросил Ци Цзюнь.

— Да император же! Никогда в жизни не видала столь прекрасного человека, если не он небожитель, то кто же?

Ци Цзюнь внезапно всё понял и с одобрительной улыбкой кивнул. Прекрасный небожитель... да, пожалуй, лишь то божественное создание могло заставлять его сердце биться столь тревожно.

Ван Илю всю жизнь провела в глубоких покоях и ко всему на свете относилась с жгучим любопытством. Не успели они дойти до улицы, где продавали пудру и румяна, как Ци Цзюнь уже с ног до головы был завален свертками и пакетами.

— Генерал Ци, ну идите же быстрее.

На выходе из переулка Ци Цзюнь вдруг резко остановился. Позади послышался свист, он молниеносно развернулся — длинная стрела чиркнула по его щеке, оставив трещину на кирпичной кладке стены.

Стерев кровь, выступившую из тонкого пореза, он холодно обернулся и посмотрел на мужчину, который всё еще сидел на лошади в позе лучника.

— Что это значит, милостивый государь?

— Этот вопрос следовало бы задать тебе. Куда это ты собрался вести мою сестру? — ледяным тоном процедил левый полководец Ван Исюань.

— Трагически вышло, но сегодня во время прогулки я случайно встретил императрицу и намеревался в целости и сохранности препроводить ее во дворец, — не меняя выражения лица, ответил Ци Цзюнь.

— Это правда, братец! Генерал Ци только что спас мне жизнь! — придя в себя, поспешно вмешалась Ван Илю.

Ван Исюань холодно хмыкнул, подхватил Ван Илю, словно цыпленка, и усадил поперек седла. Эта картина живо напомнила Ци Цзюню ту ночь, когда евнухи волокли Сяо Юя, отчего на душе у него скребли кошки, хотя высказать свое недовольство он не мог.

— О моей сестре генералу Ци беспокоиться не стоит, прощай!

Копыта взметнули тучи пыли. Ци Цзюнь так и остался стоять на месте, задумчиво провожая их взглядом.

То ли из-за того, что мысли днем неизменно возвращались к одному и тому же, то ли по какой другой причине, но чем ближе подступал Праздник фонарей, тем чаще Сяо Юй навещал сновидения Ци Цзюня.

То во сне он сам расчесывал ему волосы, стоя позади, то сопровождал во дворце, когда они кормили рыбок, то собственными руками набрасывал на его плечи плаг —

Однажды посреди ночи он резко проснулся, внезапно осознав: а не те ли это поступки, которые когда-то совершал некий человек по имени Лю Ци? От этой мысли ему стало одновременно и смешно, и горько.

Подумать только, имя, которое Сяо Юй обронил мимоходом, засело в его памяти так надолго.

Перед самой поездкой в Чэндэ Ци Цзюнь заглянул в Управление шестнадцати стражей к Бай Е.

— Генерал Ци, ты примчался хрен знает откуда только ради того, чтобы побеспокоить меня из-за какого-то Лю Ци? — Бай Е потер переносицу и тяжело вздохнул.

— Если тебе неудобно отвечать, забудь.

— Тут нет ничего удобного или неудобного. Просто он слишком ничтожная фигура, — пояснил Бай Е.

— Лю Ци был одним из фаворитов императора. Когда регент прибрал к рукам всю государственную власть, он во всем шел наперекор императору. Тот любил разводить рыбу во Дворце Чунхуа — регент взял и отравил всю рыбу. Император любил белые магнолии — регент велел срубить все деревья. Император любил общество Лю Ци — регент заявил, что тот смущает умы правителя, и приказал убить его.

Значит, Лю Ци уже мертв. Ци Цзюнь испытал странное чувство: он не был знаком с Лю Ци, но судьба этого человека тронула его за живое. Даже вдали от полей сражений жизни невинных людей ценились не дороже пыли под ногами.

— Генерал Ци! — окликнул его Бай Е на прощание. — Какую бы цену ни пришлось заплатить, умоляю, защитите императора! Вся борьба решится одним этим ударом!

— Младший офицер держит свое слово.

<http://bllate.org/book/21170/2144723>